

Ныне Сергей Строкань, наверное, более узнаваем в качестве участника ток-шоу на федеральных телеканалах. Яркий и горячий спорщик, который за словом в карман не полезет. Между тем ведущие этих программ не раз подчёркивали, что публицистическое, телевизионное «Слово Строканя» выдаёт в нём поэта—своей метафорической образностью. Чтобы в этом убедиться, не надо пытаться искать его стихотворные сборники, потому что они стали уже библиографической редкостью. Достаточно заглянуть в юбилейный раздел нашего журнала—ведь Сергею Строканю, самому младшему российскому метаметафористу в поэтической плеяде Алексея Парщикова, Ивана Жданова, Александра Ерёмченко и Марка Шатуновского, исполнилось шестьдесят. С юбилеем!

Редакция «ДиН»

Гора и волна

Медная ковкая лоза не бывает побита садовой молью,
Осы исследуют гроздь, начинается сбор урожая,
Памятью, эпосом, страхом беременно море,
Брюхо воды надувая и тину рожая.

Тина. Так, кажется, звали мою здесь подругу,
Что уводила межножом за дальние скалы.
Чайки терялись в догадках, я слушал их ругань
И отшатнулся от позднего неба оскала!

В сад, как в Распутье, вбивая незримые гвозди,
Медленный Крым выносил приговор

незалежным и вильным,

Понял ли кто-то, чем именно были те грозди?
Гневом, вином? Сок был отдан на откуп давлению.
Воздух нетрезвый, с осой танцующий танго,
Плыл средоточием дьявольской этой рутини,
И когда море запуталось в мутной болтанке,
Я побывал на вершине и вышел из Тины.
Волны со свёрнутой шей, лишённые смысла,
Падали ниц—умирать в раскалённой молельне,
И, повторяя двугорбой волны коромысло,
Ненависть и любовь были ей параллельны.

Коломенское

Падением лета не тронут лишь кедр—
На клёне истлела рубаха.
Так жизнь отступает за стены.
И ветр

уходит на поиски праха.

Он рыщет по паркам, по дальним углам,
И гипса посмертные лики
Крышуют ничейный растерянный хлам,
Где тайны зарыли улики,
Где прятались ненависть, страх и любовь,
А нынче царит безразличье,
Где Бог не подымет усталую бровь,
Где свечи сухих ядовитых грибов
Горят на руинах величья.

Греция

Ход часов и цикады тик-тик
треплют сонную синь берегов
рядом с крошечной лавкой антик,
уценившей муляжных богов.
Диск, трезубец и весь инвентарь
не нашарят и корни олив...
Бюсты пыжатася, пухнет словарь,
только проку! Ведь кто из них жив?..
Впрочем, жизнь—это ноша мирян,
что плюются зрачками маслин,
а богам—предаваться морям,
расставлять иерархов глубин.
Их нежизнь не порвётся, как нить
старой снасти, что соль рассечёт,
боги явлены нам предъявить,
точно гамбургский, греческий счёт.
И часы не закрыть на засов,
у которых нет хода назад
на плацу, где пахнёт чабрецом,
где безумны цикады цитат.
Вот и падает цапля-пинцет
на терзаемый glandами порт,
чей насколько понижен процент—
вряд ли важно, коль близок дефолт.
Тонет лавочка лжестарины,
где китайская спит дребедень,
но рулит средь эгейской слюны
Посейдон, Посейдон по сей день.

Двойник

Меня парализуют кривотолки —
Всесильные, как прилагательное «супер»,
Как будто происходит в кровотоке
Системный сбой, и наступает ступор.

Покрыт болотной смысловою слизью,
Ты так и ходишь с травмой родовой,
А твой двойник, живя другою жизнью,
Исподтишка становится тобою.

Он сам себя клонирует в «Фейсбуке»,
В твоей фамилии оставив свой апостроф,
И всем народом дети и старухи
Его встречают, сделав перепосты.

Двойник мечтает братом стать или хотя бы
Фиктивным родственником, пусть из-за Урала.
Но как наполнить жилы кровью жабы,
Когда своя ещё не отыграла?

Как разорвать сверхпрочные волокна
Сюжетов, тянущихся от времён Софокла?
Ведь свет не проникает сквозь фальшокна —
Его съедят пупырчатые стёкла.

В причинно-следственные ввёрнуты рулоны
Лжи несгораемой и оттого прожжённой,
Мы еле-еле держим оборону
Последней высоты неискажённой.

Клязьма

В никуда свои воды неся,
Захлебнувшись тоской непечатной,
Шла река, посиневшая вся,
С круглым камнем на шее песчаной.

То внезапно менялась в лице,
То лежала с одним выраженьем,
То подобно утопленнице
Выбивалась из сил разложения.

И глубин потаённая муть,
Не способная разом проснуться,
Зазывала в себя заглянуть,
Но без шанса уже отшатнуться.

Пробиваясь к небесной гряде,
Там, где берег слоится детально,
Шла река — и везде, и нигде,
И предметна, и трансцендентальна.

Поднималась трава без корней
Там, где русло равнину разгрызло,
И метались кузнечики в ней
В бесконечности поиска смысла.

Насекомых земные войска
Сделав армией, но без салюта,
Шла река

и, дойдя до виска,
Утекала в проём абсолюта.

Маг долины

Где падшее небо, сорвав удила,
Ударилось в блуд с мясниками,
Там после соитья она родила
Покатый в утробе, где скрыта дыра,
Лоснящийся розовый камень.

Его пеленали простынные сми,
Несли телефонные трубки,
Волхвы и звезда скрыли чары свои,
Пока он водил хороводы семьи,
Из мрамора резались зубки.

Когда ж он обрушил свою колыбель,
То вздрогнул Израиль, а с ним Куршавель,
И время стояло задраенных Лун,
Когда веселился наш резвый шалун,
Наш розовый гладкий валун.

Он круче, чем Будда, отстроил свой дар,
Адептов сбивая в отару.
И, пестуя к камню привитый металл,
Свою расчехлил аватару.

Вот так, то вершивший сортир и тюрьму,
То кроткий, как сын Магдалины,
Он взмыл, и долина внимала ему,
Он был здесь один — маг долины.

Когда над низинами камень парит
И спят истуканы природы,
Не лучше ль стать ящерицей между плит,
Чем нишей лежачей породы?

Не лучше ль отдать себя жизни не так,
Которая тихо научит,
Что мясо — оно ведь не только «Спартак»,
А камень — он больше, чем туча?

Манифест

Мы тянемся внутри своих личин,
Не задевая бархат сверхидеи,
И только область экстремальных величин
Даёт почувствовать, кто мы на самом деле.

Вот так вода натрёт себе мозоль
От тренья об обыденную рамку,
И лишь вморожена в предельный ноль
Свою откроет тайную огранку.

Вот так берёзовый банальный лес,
В своей осенней тонуций нирване,
В себя приходит в сводке мчс,
Когда его нагнёт до основанья.

Когда эфир струится ни о чём,
Когда претит мертвеющая норма,
Живого воздуха упругое плечо
Нас подопрёт на высшей точке шторма.

Столб

Только вперёд устремлённый и бьющийся лбом
В стену стеклянную или в железную дверь на запоре,
Ты можешь стать обездвиженным скорбным столбом—
Одномоментно стать изваянием каменной соли.

Для уходящих мгновений, построенных в ряд,
Как на торгах с молотка уходящего лота,
Недопустимо хоть раз оглянуться назад,
Ибо никто не отменит проклятия Лота!

Взглядом стреножена или безмолвием в нём сожжена,
Прежнее силясь обнять отсечённой рукою,
Клятвопреступница или святая жена
Будет убита привязанностью роковой.

Место, где в горестный столб обращается дым,
Ключик от рая тебе не подносит на блюде.
Город, погрязший в себе,—хоть Содом, хоть Надым,—
Как бы ни звал тебя, главное—не обернуться!

Не подчинившийся в нём ни богам, ни ментам,
Не убоившись стать изваяньем причудливой формы,
Помни: вот-вот под ногами взорвётся метан—
Тот, что в глубинах приводит в движенье платформы.

Помни, настигнутый ветхозаветной шпаной,
Вписанный в вечный сюжет не своими руками:
Если прошедшее воет, свистит за спиной,
Стоит тебе отозваться—ты уже камень!

Тихий омут

В чётком озере не утаится
Ни песчинка, ни рачья крепость,
Но когда неточна водица,
Дно разглядывать—это нелепость.

Дно разглядывать—это потуги
Досмотреться до смысла сквозного,
Потому что сюжет потух и
Всё во власти тёмного слова.

И упругий косяк метафор
Не пройдёт сквозь плёс, как по нотам,
В тихом омуте шин, а не амфор,
В тихом омуте водится кто там?

Нет, не черти, но сгустки мути,
Только их различишь едва ли—
Не поймёшь в небесной остуде
Место Бога и Божьей твари.

То с волною привстанет глыба,
Повинуясь обману зренья,
То в глубинах залипнет рыба,
Перепутав себя с теченьем.

Тихий омут—всего лишь модуль
Страшной тайны, в которой тонут.
В тихом омуте видится омуль.
В тихом омуте водится омут.